

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СМУТЫ (СТАСИСА) В ТРАКТОВКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА VI – НАЧАЛА VII в.

И. В. Кривушин

Ивановский государственный университет

Анализ «Церковной истории» Евагрия Схоластика, «Истории» Феофилакта Симокатты, «Хроники» Иоанна Антиохийского и «Пасхальной хроники» показывает, что среди представителей византийской историографии конца VI – начала VII в. существовало как единство, так и различие в понимании и изображении социально-политической смуты (*стасиса*).

Если говорить о различии, то оно обнаруживается главным образом на историко-спекулятивном уровне. В системе исторических идей церковного историка Евагрия Схоластика ведущее место занимает «позитивная» восточно-христианская концепция истории. Евагрий рассматривает прошлое человечества как контролируемое Богом последовательное движение (восхождение) к царству Истины, которое возможно установить еще в этом земном мире. В рамках такого восхождения определенная значимость придается религиозным конфликтам. Они оцениваются в моральных категориях или как благо (проявление воли Всевышнего, стремящегося посредством теологических споров укрепить истинную веру), или как зло (результат происков Сатаны, пытающегося всеми способами разрушить храм Истины). Тем самым церковный историк конца VI в. намечает контуры теории функциональности конфликта, которая получит свое фундаментальное обоснование в конце XIX–XX в. в трудах Г. Спенсера, Р. Дарендорфа и Л. Козера. Что касается евагриевской терминологии социально-политической смуты, то в ее основе лежит понятие «беспорядок» (*αταξία*), а термины *ταραχή*, *στασις*, *τυραννίς* и *νεωτέρισμος* обозначают разные степени социального и религиозного хаоса.

Светский историк Феофилакт Симокатта отталкивается от концепции истории как непрерывной и необъяснимой цепи изменений. В такой перспективе *стасис* трактуется и как одно из проявлений универсального беспорядка, и как сам этот беспорядок. *Стасис* не имеет смысла, как и сама история. Такая позиция исключает возможность конструирования какой-либо «позитивной» теории социально-политического конфликта. Задача историка – исключительно этическая: на основе фактов прошлого

он должен сформулировать универсальные правила, позволяющие человеку ориентироваться во враждебном и хаотичном мире, в том числе в ситуации восстания или государственного переворота. Подобно Евагрию, Феофилакт оценивает стасис с моральной точки зрения: или как безусловное зло, если он порождается мятежной природой толпы и нарушает извечный порядок вещей, или как благо, если он направлен против еще более разрушительной формы социального хаоса – тирании. Феофилактовская терминология социально-политической смуты родственна евагриевской. Что касается религиозной интерпретации стасиса, то она оказывается на периферии исторической мысли писателя.

Авторы хроник исходят из идеи, близкой к основному тезису теологии истории Августина. По их представлению, Бог не только контролирует, но и провоцирует ход исторического движения. В таком контексте стасис трактуется не как результат действия человеческой воли, а как не зависящее от усилий людей событие, звено в процессе реализации Божественного плана, смысл которого невозможно постигнуть. Поэтому свою задачу хронисты видят не в объяснении, а исключительно в регистрации исторических фактов. Не удивительно, что какая-либо оценка стасиса отсутствует. Трудно обнаружить и единый терминологический ряд: хронисты в целом следуют терминологии своих источников.

Несмотря на различия спекулятивного плана, на нарративном уровне фиксируется значительное сходство в отношении к стасису среди представителей трех историографических направлений. Все авторы изображают историю как хаотичное нагромождение событий, а стасис – как беспричинное и бессмысленное, наряду с другими, явление; вот почему описание мятежей никак не выделяется из общего потока повествования. Феофилакт Симокатта игнорирует конкретно-исторические обстоятельства социально-политических конфликтов и заменяет причинно-следственную связь отношением «сущность – проявление». В его описании восстаний и государственных переворотов реализуются две нарративные модели – *модель стасиса* и *модель тирании*. Эти модели конструируют не столько порядок происходящего, сколько порядок должного: они показывают, как следует поступать рационально мыслящему индивиду (монарху, стратегу, священнослужителю, чиновнику) в ситуации его столкновения с иррациональной толпой (городской чернью, солдатской массой). Структурирование повествования по таким поведенческим схемам лишает изображаемые в «Истории» события внутренней связи и перспективы движения.

Ориентация на поведенческие модели характерна и для большей части «Церковной истории» Евагрия, в которой принципы описания гражданских и религиозных смут мало отличаются от нарративных принципов

Феофилакта Симокатты и его предшественников (Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского). Евагрий изображает церковную смуту практически в том же ключе, в каком описывают мирские конфликты светские историки, только у него роль героя выполняет священник, а роль противостоящей ему толпы – паства. Равным образом он связывает причины смуты с дурной и порочной человеческой природой, присущей как индивиду (честолюбие и зависть), так и толпе (мятежность и непостоянство).

В хрониках отбор и презентация фактов определяются не идеологическими соображениями, а в большинстве случаев влиянием используемых источников, по преимуществу сирийских у Иоанна Антиохийского и константинопольских в «Пасхальной хронике». Множественность источников информации никак не компенсируется каким-либо стремлением к концептуальному или нарративному единству рассказа. Отсутствие ведущей темы превращает изображаемую хронистами историю в неупорядоченную череду событий, связанных не каузально, а лишь хронологически. В таком контексте «мятежная» информация приобретает известную степень автономности и случайности. В «Пасхальной хронике» сообщения о социально-политических конфликтах редки, и значительное пространство текста, отведенное под описание восстания Ника, является тем исключением, которое подтверждает правило. Большой интерес к социально-политической борьбе проявляет Иоанн Антиохийский, однако у него, как типичного представителя антиохийской историографии, этот интерес концентрируется преимущественно на теме факционных конфликтов цирковых партий.

О СВЯЗИ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ И СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ РОССИЕВЕДЕНИИ

Е. В. Лаптева

Пермский государственный педагогический университет

Взаимодействие культур Запада и Востока на протяжении длительного времени порождало немало легенд. Мифологизация реальности была связана со многими причинами, главными из которых были особенности национальной психологии и стереотипы восприятия, имеющиеся у наблюдателя (исследователя). Данное положение полностью распространя-